

НАШЕ ПРАВОСЛАВИЕ

Издается по благословию Его Высокопреосвященства архиепископа Витебского и Оршанского ДИМИТРИЯ

ВИЗИТ АРХИЕРЕЯ

8 сентября начался визит председателя Синодального отдела по делам монастырей и монашеству Белорусского Экзархата епископа Лидского и Сморгонского Порфирия в Витебскую епархию.

Трёхдневный визит архиерея был насыщен встречами с монашествующими, священнослужителями и верующими епархии, посещениями храмов Витебска. Владыка также посетил православный оздоровительный лагерь «Дружба» в честь иконы Божией Матери «Воспитание» в деревне Вороны Витебского района.

9 сентября Его Преосвященство возглавил всенощное бдение в Свято-Георгиевском храме. Ему сослужили клирики Витебской епархии. За богослужением пел хор под управлением матушки Надежды Коляды.

10 сентября состоялась Божественная литургия в Свято-Успенском женском монастыре в деревне Слобода Витебского района. Возглавил богослужение епископ Лидский и Сморгонский Порфирий.

**ПРЕСС-СЛУЖБА
ВИТЕБСКОЙ ЕПАРХИИ**

ЕПАРХИАЛЬНОЕ СОБРАНИЕ

3 сентября в криптовом храме Свято-Успенского кафедрального собора Витебска прошло собрание духовенства и мирян Витебской епархии под председательством секретаря Витебского епархиального управления протоиерея Владимира Резановича. В качестве гостя присутствовал начальник отдела по делам религий и национальностей Витебского облисполкома Михаил Даниленко.

На собрании рассмотрели план епархиальных мероприятий, посвященных предстоящим «Дожинкам» в Толочине. Затем с отчетными докладами по набору учащихся в духовные школы выступили первый проректор Витебской духовной семинарии протоиерей Константин Изюфатов, протоиерей Андрей Смольский, благочинный Центрального благочиния г. Орши Валерий Серко. Протоиерей Николай Коляда рассказал о деятельности лагеря «Дружба», о молодежном духовном центре «СоДружество». Также по поводу строительства Софийского собора в Витебске выступил его настоятель протоиерей Михаил Мартынович.

Затем священнослужители обменялись мнениями и опытом в реализации различных проектов, в возрождении храмов.

В заключение собрания начальник отдела по делам религий и национальностей Витебского облисполкома Михаил Даниленко ответил на вопросы священнослужителей.

**ПРЕСС-СЛУЖБА
ВИТЕБСКОЙ ЕПАРХИИ**

ЗАСТУПНИЦА ОРШАНСКОЙ ЗЕМЛИ

В день праздника Оршанской иконы Божией Матери в Орше по традиции состоялся крестный ход от Кутеинского монастыря до места основания города, откуда святыня была переправлена по Днепру в Свято-Успенский женский монастырь.

Торжество в честь главной святыни Оршанщины началось с праздничной литургии в Свято-Богоявленском Кутеинском мужском монастыре. После службы священнослужители и богомольцы с хоругвями и списком чудотворной иконы, которую несли воспитанники военно-патриотического клуба «Русичи», двинулись в сторону льнокомбината.

Крестный ход, который возглавил старший благочинный церкви Оршанского округа протоиерей Валерий Серко, собрал вместе около 300 человек и более 30 священнослужителей. Все торжественное шествие сопровождалось молитвой к Богородице. В этом году в крестном ходу приняло участие много молодежи:

это учащиеся средней школы №19, а также представители Оршанского механико-экономического колледжа. По пути к богомольцам присоединялись и прохожие. Среди крестоходцев можно было увидеть молодых мам с детьми, некоторые шли целыми семьями. Шествие сопровождалось сотрудниками ГАИ. Несмотря на то, что движение было частично перекрыто, водители не высказывали своего недовольства, а терпеливо ждали, когда крестный ход пройдет, некоторые осеяли себя крестным знаменем перед иконой и хоругвями.

По прибытию крестоходцев на место основания города Орши у чудотворной иконы Божией Матери был отслужен молебен. Старший благочинный церкви Оршанского округа протоиерей Валерий Серко поздравил оршанцев с праздником, пожелал всем духовного здоровья, благополучия в семьях и заступничества Божией Матери.

В Свято-Успенский женский монастырь икону доставили через Днепр, переправив её на моторной лодке. Сопровождали святыню на другой берег иерей Дмитрий Савушкин, клирик собора Рождества Пресвятой Богородицы, и иерей Александр Лаптев из Свято-Успенского женского монастыря. У стен обители икону встречали игуменья Сусанна с сестрами и протоиерей Иоанн Кисель.

В следующем году в день почитания Оршанской иконы Божией Матери оршанцы вновь отправятся в крестный ход, чтобы по традиции почтить память великой Заступницы Оршанской земли.

Ангела ШУРДУКОВА. Фото автора.

О РУССКОМ МИРЕ

В Троице-Сергиевой лавре состоялся торжественный прием по случаю дня памяти преподобного Сергия Радонежского. В заключение Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл обратился к собравшимся с речью.

Говоря о значении памяти преподобного Сергия для всей полноты Русской Православной Церкви, Предстоятель выразил сожаление в связи с попытками определенных кругов политизировать понятие «Русского мира».

«К сожалению, наши противники используют слова «Русский мир» как некий жупел, как пугало, заявляя, будто это некая доктрина, которая служит исключительно внешнеполитическим интересам Российской Федерации, — отметил Святейший Патриарх Кирилл. — Однако нет ничего более далекого от истины, чем отождествлять Русский мир исключительно с Российской Федерацией. Русский мир — это одновременно и Украинский мир, и Белорусский мир. Это мир всея Руси. Это мир, который создан через Крещение в

Днепре, это мир князя Владимира, это система ценностей, которая проникла в культуру, в быт нашего народа».

«А что касается русского языка, скажу лишь, что этот язык является языком нашего общения. И если будет ослаблена роль этого языка, то между украинцами, русскими, белорусами, как и многими другими народами, многократно осложнится общение, потому что язык — это естественное средство поддержания взаимоотношений людей, принадлежащих к одной культурной и духовной общности», — продолжил Святейший Владыка.

«Несмотря на то, что одно упоминание Русского мира уже стало на Украине, в рамках действующей политической доктрины, почти преступлением, мы будем продолжать — тихо, спо-

койно, но настойчиво — свидетельствовать об этой правде, о правде киевской купели Крещения, о создании нашими предками целой восточнославянской цивилизации, которую мы условно называем Русским миром», — заявил Патриарх.

«Откройте «Повесть временных лет», в самом начале этого произведения есть слова «откуда пошла русская земля». Там нет упоминания Украины, России, Белоруссии, — там есть Русская земля. И разве мы имеем право в угоду политическим настроениям отказываться от нашей истории, от наших идеалов, от наших святых, от наших монастырей, от нашего богослужения, от нашего общего языка?» — заключил Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл.

Пресс-служба Патриарха Московского и всея Руси.

ПРАВОСЛАВНЫЕ ЖЕМЧУЖИНЫ

Вместе со своей семьёй от паломнической службы «Никосия» при храме святой великомученицы Варвары г. Смоленска мы совершили паломническую поездку в Старицкий Свято-Успенский мужской монастырь и в Валдайский Иверский Святоозерский Богородицкий мужской монастырь.

В начале поездки мы посетили в г. Старица Тверской области древний монастырь, основанный ещё в 1110 году. В XVI столетии князь А. Старицкий возродил его после татаро-монгольского нашествия и перенёс на берег реки Волги. В этом монастыре был воспитан и пострижен в монахи первый патриарх Москвы и всея Руси Иов (день памяти 2 июля).

В этот же день мы отправились на Валдай в Новгородскую область. Основавший монастырь в середине XVII века на острове Сельвицкий Валдайского озера патриарх Никон взял за образец Иверский монастырь на Афоне. По его заказу монах-иконописец сделал точную копию чудотворной Иверской иконы Божией Матери, а ещё Никону пришлось повоевать с загадочными чудовищами, которые, по поверьям местных жителей, населяли озеро. Вместе с монахами патриарх провёл «бесогонный» молебен и освятил

Валдайское озеро. С тех пор озеро стало называться святым, и больше нечисть никого не тревожила.

Работы начались с возведения грандиозного Успенского собора. К убранству храма были привлечены белорусские резчики по дереву, создавшие великолепные дубовые двери, которые сохранились до наших дней.

В 1655 году в Иверский монастырь переселилась братия оршанского Кутеинского монастыря в количестве более 70 человек, вытесненная из Беларуси униатами. Иноки перевезли с собой на новое место всё своё имущество и типографию, где удалось наладить печатное дело.

В советское время Иверский монастырь закрыли и разграбили. В начале 90-х его вернули православной церкви. Сейчас монастырь полностью восстановлен, отреставрирован и стал своего рода образцово-показательным.

Николай СИНЯКОВ.

ИКОНА СВЯТИТЕЛЯ НИКОЛАЯ НА НИКОЛЬСКОЙ БАШНЕ КРЕМЛЯ

Почти пять лет назад состоялось открытие этой отреставрированной иконы. Дождь шел сплошной стеной. Специальный механизм для освящения московской святыни поднял площадку с Патриархом Кириллом метров на 10 над землей.

Вообще с этой иконой — одни чудеса.

В 1737 году она чудом уцелела от пожара. Современные реставраторы обнаружили следы от огня в самой ранней фреске.

В 1812 году Никольскую башню взорвали уходящие из Кремля французы. Император Александр I велел под иконой повесить мраморную доску, слова для которой написал сам: «В 1812 году, во время неприятельского нашествия, твердыня сия почти вся была разрушена подрывом неприятеля; но чудесною силою Божией св. образ великого угодника Божия, святителя Николая, zde начертанный на самом камени, а не токмо самый образ, но и самое стекло, прикрывавшее оный, фонарь со свещею остались невредимыми. Кто Бог велий, яко Бог наш! Ты еси Бог, творяй чудеса: дивен Бог во святых своих».

В ноябре 1917 года во время боев большевиков с юнкерами за Кремль башня была повреждена прямыми попаданиями снарядов. Нарком просвещения А.В. Луначарский, узнав о бомбардировках Кремля, подал в отставку. Ленин тогда сказал Луначарскому: «Как вы можете придавать такое значение тому или другому зданию, как бы оно ни было хорошо, когда дело идет об открытии дверей перед таким общественным строем, который способен создать красоту, безмерно превосходящую все, о чём могли только мечтать в прошлом?»

Икона была изрешечена выбоинами, но сам лик не пострадал, что верующими москвичами было воспринято как чудо — следы пуль и шрапнели как бы опоясывали образ святителя Николая.

После обстрела Кремля святой Патриарх Тихон тайно отправил цветную фотографию поврежденной иконы Никольской башни адмиралу Колчаку. В иконописи появился новый образ — Никола Раненый.

Перед 1 мая 1918 года фасад Никольской башни, включая икону, был весь задрапирован красным кумачом. Из дневника Петра Ковалевского: «В присутствии Ленина и всего совнаркома был первомайский парад. Как раз в разгар манифестации материя на Никольских воротах, прямо против образа разорвалась и упала на площадку, а не было ни ветра, ни какого либо дефекта в шитье полотнища. Митрополит Вениамин привез потом кусок материи, и он оказался как ножом отрезанным».

Разрыв материи на глазах у тысяч людей произвел огромное впечатление на народ. Советские чиновники приказали сбить фреску и оштукатурить место иконы. Однако современные реставраторы обнаружили, что исполнители приказа бережно закрыли образ сеткой и нанесли штукатурку поверх нее.

Святителю Отче Николае, моли Бога о нас, да хранит Он град Москву и всю землю Русскую!

СЕРАФИМО-ДИВЕЕВСКАЯ ИКОНА

Оршанские верующие побывали в Доме милосердия г. Минска, куда в храм Иова Многострадального из Дивеева была доставлена Серафимо-Дивеевская икона Божией Матери «Умиление» (празднование 10 августа).

Вместе с иконой привезли и освященное масло.

«Умиление» — любимый образ Серафима Саровского. Перед ним он всю жизнь молился и коленопреклонно скончался. Святой многих исцелил, помазывая маслом из лампы перед образом Царицы Небесной. На этом образе Богородица изображена в момент произнесения Ею слов архангелу Гавриилу при Благовещении: «Се раба Господня, буди мне по глаголу твоему».

Интересна история иконы, прибывшей в Минск. Её обрели в Селении Локоть 17 лет назад. Одна из местных жительниц принесла домой календарь с ликом Матери Божией и повесила на стене. Через некоторое время отпечатанный в типографии образ замироточил и заблагоухал. Когда его сняли, чтобы вставить в раму, на обратной стороне увидели другой образ Богородицы — нерукотворный. На нём можно рассмотреть также лик Спасителя. Вместе с иконой в Минск привезли и освященное масло с добавлением собранного от неё мира.

Через молитву к этому чудотворному образу человек не только исцеляется от недугов — Богородица направляет на правильный жизненный путь каждого, кто с верой к ней обращается.

Николай СИНЯКОВ.

ПОСЕТИЛИ ПРЕМЬЕРУ

30 сентября администрация, преподаватели и студенты Витебской духовной семинарии посетили премьеру художественного фильма «Излечить страх».

Кинолента посвящена деятельности выдающегося подвижника православной церкви архиепископа Луки (в миру Валентина Феликсовича Войно-Ясенецкого).

Белорусско-украинская лента «Излечить страх» в 2013 году была отмечена наградами на кинофестивалях «Покров» (Украина), «Листопад» (Беларусь).

Сюжет фильма: в 1917 году молодой врач Валентин Войно-Ясенецкий с женой и четырьмя детьми переезжает в Ташкент. Город охвачен гражданской войной и интервенцией. Валентина Феликсовича назначают главным врачом городской больницы. Он не только ежедневно спасает

сотни больных, оперируя под пулями постоянных уличных батальонов, но и борется за жизнь любимой жены, которая умирает от туберкулеза. В самый разгар репрессий, оставшись один с четырьмя детьми на окраине бывшей империи, Валентин Феликсович становится священником. И с того времени, никогда не изменяя ни скальпелю, ни кресту, он проходит сквозь все испытания ссылок и лишения, лечит души и тела других.

Пресс-служба Витебской духовной семинарии.

ОСВЯЩЕНИЕ БЕЛОРУССКОГО ПОСОЛЬСТВА В МОСКВЕ

29 сентября по благословению архиепископа Витебского и Оршанского **Димитрия секретаря Витебского епархиального управления, преподавателя духовной семинарии протоиерей Владимир Резанович совершил освящение Делового и культурного комплекса Посольства Республики Беларусь в России.**

В торжественной церемонии приняли также участие видные российские парламентарии, дипломаты, известные ученые, руководители ВУЗов, российских федеральных и союзных средств массовой информации, представители белорусской и российской творческой интеллигенции.

ЯЗЫК БЕСОВ

Знаете ли вы, что мат (нецензурные выражения) – это язык бесов? В медицинской практике известно такое явление: при параличе, при полной потере речи, когда человек не может выговорить ни «да», ни «нет», он может, тем не менее, совершенно свободно произносить целые выражения, состоящие исключительно из матерной брани.

Явление на первый взгляд очень странное, но говорит оно о многом.

Получается, что так называемый мат проходит по совершенно иному нервному цепочкам, нежели вся остальная нормальная речь. Что же это за цепочки? Что (или кто) за ними стоит? Кто таким путем демонстрирует свою власть над парализованным телом?

По мнению священников, так называемый мат является языком общения с демоническими силами. Не случайно это явление именуется инфернальной лексикой. Инфернальной – значит адской, из преисподней. Мат действительно был хорошо знаком славянам.

Матерное обозначение женщины легкого поведения встречается уже в берестяных новгородских записках. Только вот имело оно там совершенно другой смысл.

Это имя демона, с которым общались древние колдуны. И остальные русские матерные

слова имеют такое же демоническое происхождение.

В последнее время наука доказала, что от употребления мата страдает не только нравственность, но и здоровье человека. В самом, что ни на есть, физическом значении слова. Одним из первых ученых, обративших внимание на такой ас-

пект, был Иван Белявский. По его мнению, каждое произнесенное или услышанное человеком слово несет в себе энергетический заряд, воздействующий на человека.

В том, что мат – это язык сатаны и бесов, легко убедиться во время так называемых отчи-

ток в русских православных храмах. Напомним, что отчиткой называется чин изгнания бесов из человека. Подобных людей так и называют – бесноватые. Во время отчитки со многими из них происходит нечто ужасное.

Люди начинают лаять, кукарекать, молодые девушки начинают кричать вдруг грубым мужицким басом. При прикосновении креста таких людей начинает всячески корезить. А главное – почти все они страшно ругаются матом. Матерными словами они поносят священника, Церковь. Но проводящие обряд отчитки знают: кричит не сам человек, а бес, вопиющий внутри него. Вопиет он матом. Не благим, а самым что ни на

есть бесовским.

Если вы ругаетесь матом, не удивляйтесь, почему в вашей жизни неприятности. Мат – это проклятья, которые вы посылаете на людей, а в первую очередь – на себя.

По материалам сайта Dal.by

Дрива

Жил-был прораб. Всю жизнь он строил дома, но стал стар и решил уйти на пенсию.

– Я увольняюсь, – сказал он работодателю. – Ухожу на пенсию. Буду со старушкой внуков нянчить.

Хозяину было жалко расставаться с этим человеком, и он попросил его:

– Давай так – построй последний дом и проводим тебя на пенсию. С хорошей премией!

Прораб согласился. Согласно новому проекту ему надо было построить дом для маленькой семьи, и началось: согласования, поиски материалов, проверки...

Прораб торопился, потому что уже видел себя на пенсии. Чего-то не доделывал, что-то упрощал, покупал дешевые материалы, так как их можно было быстрее доставить. Он чувствовал, что делает не лучшую свою работу, но оправдывал себя тем, что это конец его карьеры. По завершении стройки он вызвал хозяина.

Тот осмотрел дом и сказал:

– Знаешь, а ведь это твой дом! Вот возьми ключи и вселяйся. Все документы уже оформлены. Это тебе подарок от фирмы за многолетнюю работу!

Что испытал прораб, было известно только ему одному. Он стоял красный от стыда, а все вокруг хлопали в ладоши, поздравляли его с новосельем и думали, что он краснеет от застенчивости, а он краснел от стыда за собственную небрежность. Он сознавал, что все ошибки и недочёты стали теперь его проблемами, а все вокруг думали, что он смущен дорогим подарком. И теперь он должен был жить в том единственном доме, который построил плохо...

Мы все – прорабы. Мы строим наши жизни так же, как прораб перед уходом на пенсию. Мы не прилагаем особых усилий, считая, что результаты этой конкретной стройки не так уж важны. К чему излишние усилия? Но затем мы осознаем, что живём в доме, который сами построили. Ведь всё, что мы делаем сегодня – имеет значение. Уже сегодня мы строим дом, в который вселимся завтра...

ЧУДЕСНОЕ ИСЦЕЛЕНИЕ

Резчик икон Александр Лаптев работал бульдозеристом на Чукотке.

Это сейчас его работы висят по всем уголкам России – от приёмной президента Путина и апартаментов покойного патриарха Алексия II до самых непредсказуемых тьму-раканьских закоулков Руси. Будучи водителем чукотского железного зверя ни о чём этом он ни в бреду, ни во хмелю не помышлял.

Дар сей был дан ему после страшного испытания, когда в тундре в двадцати верстах от райцентра у него заглох его трактор, титаническое железное чудовище, и он вынужден был идти пешком по направлению к жилью.

Как потом выяснилось, он шёл одиннадцать суток, но большую часть времени ходил по кругу. По гигантскому кругу в проклятом месте обиталища духов, куда даже чукотские шаманы не решаются заходить, ибо знают – можно не вернуться. Пока блуждал, было много видений в почти бессознательном состоянии: катастрофы и теракты, сцены чеченской войны, которая тогда ещё и не началась...

Спасли его охотники, выдернув из морочного места и на нартах доставив в районную больницу. Ступни ему ампутировали. После чего он попросил у Господа помиловать его и, если не будет гангрены, поклялся всю оставшуюся жизнь посвятить Христу.

Исцеление было послано. А взамен утраченных ног Господь послал гениальные руки. До того момента Александр ни разу не прикасался к инструменту и не ведал – что есть резьба по дереву. Все его произведения-иконы изготовлены из цельных заготовок липы, никаких механизмов он не использует, только набор ножей и резцов, для придания оттенков – только льняное масло разной температуры...

Крестовоздвиженская икона от резчика Александра Лаптева была передана иерею Владимиру, настоятелю храма «Воздвижения Креста Господня» поселка Эгвекинота.

По материалам сайта Православие.ru

ЗНАКОМТЕСЬ – ЭТО ЕВРОПА

На протяжении почти всей истории человеческая жизнь стояла в Западной Европе ничтожно мало. Сегодня без погружения в специальные исследования даже трудно представить себе западноевропейскую традицию жестокосердия во всей её мрачности. Английская «королева-девственница» Елизавета I отрубила голову не только Марии Стюарт, она казнила ещё 89 тысяч своих подданных.

В отличие от своего современника Ивана Грозного, называвшего её «пошлой девицей», Елизавета (чья мать, Анна Болейн, кстати, тоже была обезглавлена) не казалась в содеянном ни прилюдно, ни келейно, в соборных и «Синодики» не записывала, денег на вечное поминовение в монастыри не посылала. Европейские монархи таких привечек вообще сроду не имели.

Будете в Лондоне – купите билет на обзорную экскурсию по центру города в открытом двухэтажном автобусе. Там есть наушники, можно слушать объяснения на разных языках, включая русский. У Гайд-парка вы услышите, что там, где ныне «уголок оратора», находилось место казней. Казни были основным общественным развлечением лондонцев в течение многих веков.

Главная виселица представляла собой хитроумную поворотную конструкцию: там, на разновысоких балках, было 23 петли, так что она, возможно, напоминала англичанам – то ли ёлку с украшениями, то ли что-то ещё. У неё было и более нейтральное имя – «машина Деррика», по фамилии самого заслуженного из здешних палачей, бывала даже поговорка «надёжный, как машина Деррика».

Там, где нынче Паддингтонский вокзал, стояла ещё одна знатная виселица, устроенная, в отличие от предыдущей, без всяких затей: три столба, три перекладки, по восемь петель на перекладке, так, что можно было разом повесить 24 человека – на одного больше, чем «у Деррика». Историк Лондона Питер Акرويد перечисляет ещё с дюжину известных мест казней, добавляя, что нередко виселицы стояли просто на безымянных перекрёстках. И работали они без протоев, недогрузки не было. В толпе зрителей время от времени случалась давка, число затоптанных насмерть однажды в начале XIX века достигло двадцати восьми.

Московское издательство Ad Marginem выпустило в 1999 году перевод работы Мишеля Фуко «Надзирать и наказывать» (кстати, на обложке – очередное сдирание кожи), содержащей немало цитат из предписаний по процедурам казней и публичных пыток в разных европейских странах вплоть до середины прошлого века. Европейские затейники употребили немало фантазии, чтобы сделать казни не только предельно долгими и мучительными, но и зрелищными – одна из глав в книге Фуко озаглавлена «Блеск казни». Чтение не для впечатлительных.

Жестокость порождалась опустошительными постоянными войнами западноевропейских держав уже после Средних веков (которые были ещё безжалостнее). Тридцатилетняя война в XVII веке унесла половину населения Германии и то ли 60, то ли 80 процентов – историки спорят – населения её южной части. Папа Римский даже временно разрешил многожёнство, дабы восстановить народное поголовье. Умирание Кромвелем Ирландии стоило ей 5/6 населения.

От этого удара Ирландия не оправилась уже никогда. Что касается России, она на своей территории почти семь веков, между Батыем и Лениным, подобных кровопусканий не знала и с такой необузданной свирепостью нравов знакома не была.

Сожалею, но придётся сказать неприятную вещь: история западной цивилизации не настраивает на громадный оптимизм – настолько кровопролитной и зверской была её практика. И не только в далёком прошлом – в недавнем XX веке тоже. По размаху кровопусканий и зверств XX век превзошёл любое прошлое. По большому счёту, нет гарантий, что эта цивилизация не вернётся к привычной для себя практике. Это гораздо более серьёзный вопрос, чем привыкли думать наши западлолюбивые земляки. Зная то, что мы знаем о западной цивилизации

(частью которой был Гитлер), трудно не констатировать: её самолюбование выглядит достаточно странным.

Звучит неожиданно? Тогда процитирую одного из виднейших историков современности, оксфордского профессора Нормана Дэвиса: «Всякий согласится, что преступления Запада в XX веке подорвали моральное основание его претензий, включая и прошлые его претензии».

По подсчётам историка П.Г.Скрынникова, знатока эпохи Иоанна Грозного, при этом царе было безвинно казнено и убито от 3 до 4 тысяч человек. Скрынников настаивает, что мы имеем дело не с чем иным, как массовым террором, особенно по отношению к новгородцам, и с ним трудно не согласиться, хотя Иван Грозный – кроткое дитя рядом с Людовиком XI по прозвищу Паук, Ричардом III (которого Шекспир охарактеризовал как «самое мерзкое чудовище тирании»), Генрихом VIII, Филиппом II, Яковом I Стюартом, герцогом Альбой, Чезаре Борджиа, Екатериной Медичи, Карлом Злым (без номера), Карлом V (сыном Хуаны Безумной), Карлом IX (устроившим Варфоломеевскую ночь), Марией Кровавой, лордом-протектором Кромвелем и массой других симпатичных европейских персонажей.

Хотя на совести Иоанна Грозного было неизмеримо меньше людей, чем у его современницы Елизаветы Тюдор, и хотя он казался затем в своём злодействе прилюдно и келейно (европейские монархи, как уже сказано, такой привычки не имели) и заказывал «Синодики» убиенных, народным сознанием всё равно был отринут как окаянный царь. Даже если на царя Иоанна возведено, как доказывают некоторые авторы, много напраслины, бесспорных фактов достаточно, чтобы русское сознание вынесло ему приговор, отменить который вряд ли удастся. Среди 109 фигур на памятнике Тысячелетию России в Новгороде, в число которых попали опальные Алексей Адашев и Михаил Воротынский, а также малоизвестные нашим гражданам князья Литовской Руси Кейстут и Витовт, места царю Иоанну не нашлось.

Но продолжу примеры. Крестовосходы в ходе альбигойских войн вырезали больше половины населения Южной Франции. Умиритель Пруссии, великий магистр ордена крестоносцев Конрад Валленрод, разгневавшись на курляндского епископа, приказал отрубить правые руки всем крестьянам его епископства. И это было исполнено! 16 февраля 1568 года (время разгара опричинны Иоанна Грозного) святая инквизиция осудила на смерть всех(!) жителей Нидерландов как еретиков, а испанский король Филипп II приказал привести этот приговор в исполнение. Это не вполне удалось, но королевская армия сделала, что смогла. Только в Харлеме было убито 20 тысяч человек, а всего в Нидерландах – 100 тысяч.

То, что сегодняшняя политкорректность воспринимает с ужасом, всего век с небольшим назад никого особенно не отвращало. Ещё один классик английской «истории для читателей» Джон Ричард Грин в 1874 году спокойно цитировал отчёт Кромвеля о проделанной работе в Ирландии:

«Я приказал своим солдатам убивать их всех... В самой церкви было перебито около тысячи человек. Я полагаю, что всем монахам, кроме двух, были разбиты головы...».

1 августа 1793 г. революционный французский Конвент издал декрет с предписанием «уничтожить Вандею». В начале 1794 г. армия взялась за дело. «Вандея должна стать национальным кладбищем», – провозгласил храбрый генерал Тюрро, возглавивший «адские колонны» карателей. Расправа длилась 18 месяцев. Расстрелов и гильотин (из Парижа доставили даже

детские гильотины) для исполнения указа оказалось недостаточно. Уничтожение людей происходило, по мнению революционеров, недостаточно быстро. Решили: топить. Город Нант, как пишет Норман Дэвис, был «атлантическим портом да торгавли, в связи с чем здесь под рукой имелся целый флот огромных плавучих тюрем». Но даже этот флот быстро иссяк. Поэтому придумали выводить гружённую людьми баржу на надёжной канатной привязи в устье Луары, топить её, потом снова вытаскивать канатами на берег и слегка просушивать перед новым употреблением. Получилось, пишет Дэвис, «замечательное многоразовое устройство для казни».

Просто умерщвлять людей было мало. Они находили удовольствие в том, чтобы до погрузки на баржи срывать с них одежду и связывать попарно. Беременных женщин обнажёнными связывали лицом к лицу со стариками, мальчиков со старухами, священников с девушками, это называлось «республиканскими свадьбами».

Чтобы спрятавшиеся в лесах не выжили, а умерли от голода, был вырезан скот, сожжены посевы и дома. Якобинский генерал Вестерман воодушевлённо писал в Париж: «Граждане республиканцы, Вандея более не существует! Благодаря нашей свободной сабле она умерла вместе со своими бабами и их отрядами. Используя данные мне правды, я растоптал детей конями, вырезал женщин. Я не пожалел ни одного заключённого. Я уничтожил всех».

Обезлюдили целые департаменты, было истреблено, по разным подсчётам, от 400 тысяч до миллиона человек. Как ни печально, национальную совесть Франци Вандея, судя по всему, не мучает.

В России до появления большевиков ничего похожего на вандейскую гекатомбу не случилось. А потом случилось: на Дону, в Тамбовской губернии, в других местах.

Как и всякая империя в период своего строительства, Россия тяжко прощлась по судьбам ряда малых народов – сибирских и северокавказских, – там было не до прав и свобод человека в современном их понимании. Одно можно утверждать с уверенностью: геноцидов в полном смысле слова на совести России нет. Всё познаётся в сравнении. Американский историк Дэвид Стэнфорд в своей книге «Американский холокост: завоевание Нового Света» показал, что освоение Америки сопровождалось самой страшной этнической чисткой в истории человечества: за 400 лет пришельцы из Старого Света физически уничтожили около ста миллионов(!) коренных жителей.

На Пятом континенте англичане истребили большинство австралийских аборигенов и всех(!) тасманийцев.

Америка и Австралия были далеко, но когда русским властям стало известно, что злодеяния творятся вблизи границ империи, они порой шли на прямое вмешательство. «Уманская резня» в июне 1768 года, во время так называемой «Коливщины», унесла жизни 20 тысяч евреев. Многие тысячи евреев погибли, помимо Умани, также в Лысянке, Каневе, Черкассах, Жлобине, Корсуни, Фастове, Белой Церкви и особенно в Балте. Хотя всё это происходило на «суверенной польской территории», вести о размахе зверств побудили русские власти послать против гайдамаков корпус генерала Кречетникова, который разбил их в несколько дней и, возможно, спас евреев Правобережья Днепра от полного истребления.

Ещё в 1819 году в Англии оставалось 225 преступлений и проступков, каравшихся виселицей. Когда врач английского посольства в Петербурге писал в своём дневнике в 1826 г., насколько он поражён тем, что по следам восстания декабристов в России казнено всего пятеро преступников, он наглядно отразил

понятия своих соотечественников о соразмерности преступления и кары. У нас, добавил он, по делу о военном мятеже такого размаха было бы казнено, вероятно, тысячи три человек.

Так смотрели на вещи повсюду в Европе. В Дании в 1800 году был принят закон, предусматривавший смертную казнь для всякого, кто «хотя бы советом» всенять неограниченную форму правления. И вечную каторгу тому, кто осмелился порицать действия правительства.

А теперь возьмём «Русскую правду», она вообще не предусматривает смертную казнь!

Из «Повести временных лет» мы знаем, что Владимир Святославич пытался в 996 г. ввести смертную казнь для разбойников. Сделал он это по совету византийских епископов, но вскоре был вынужден отказаться от несвойственных Руси жестоких наказаний.

Впервые понятие смертной казни появляется в России на пороге XV века в Уставной Двинской грамоте (за третью кражу) и в Псковской судной грамоте (за измену, кражу из церкви, поджог, конокрадство и троекратную кражу в посаде).

Уложение 1649 года предусматривает смертную казнь уже в 63 случаях – много, но всё ещё бесконечно меньше, чем в Европе. Долгая поездка по Западной Европе в 1697-98 гг. произвела на внимательного и пытливого Петра Первого большое впечатление. Среди прочего он решил, что материальный прогресс посещённых им стран как-то связан с жестокостью тамошних законов и нравов, и сделал соответствующие выводы. Совсем не случайно, что самая жестокая и массовая акция его царствования, казнь 201 мятежного стрельца 30 сентября 1698 года в Москве, произошла сразу после возвращения молодого царя из его 17-месячной европейской поездки.

Однако бороться с устоявшейся системой ценностей – дело чрезвычайно трудное. По числу казней Россия даже при Петре и отдаленно не приблизилась к странам, служившим ему идеалом, а после его смерти этот вид наказания резко пошёл на убыль. Середина XVIII века отмечена фактической отменой смертной казни. В 1764 году оказалось, что некому исполнить приговор в отношении Василия Миновича. За двадцать лет без казней профессия палача попросту исчезла.

В 1907 году в Москве вышел коллективный труд «Против смертной казни». Среди его авторов были Лев Толстой, Бердяев, Розанов, Набоков-старший, Томаш Мазарик и другие известные писатели, правоведы и историки. Клеймы жестокости царской власти, они приводят полный, точный и поимённый список казнённых в России в течение 81 года между восстанием декабристов и 1906 годом. За это время было казнено 2445 человек, то есть совершалось 30 казней в год.

На эту цифру, правда, повлияли два польских восстания 1830 и 1863 гг. и начало революции 1905-1907 гг. Если же брать мирное время, получится 19 казней в год. На всю огромную Россию! О чём говорит эта цифра с учётом того, что в течение всего этого периода смертная казнь за умышленное убийство применялась неукошительно? Она говорит о том, что сами убийства случались крайне редко. (Кстати, в очень буйных народах тогда числились финны, они чаще кавказцев пускали в ход свои знаменитые «финки».)

Ещё две иллюстрации к вопросу об отношении к человеческой жизни. В уставе русской армии, авторство которого принадлежит Петру I, предписана помощь раненым во время боя. В прусском уставе помощь раненым была предусмотрена лишь после боя. Французские и английский уставы того времени помощь раненым не предусматри-

вали вообще.

Более ранний пример. Обязательной частью государственной политики Руси-России был выкуп своих пленных. Вот что гласит глава «О искуплении пленных» Стоглавого Собора 1551 года: «В ордах и в Цареграде и в Крыму... всех плененных окупати из цареви казны».

Послы расплагали целыевые деньгами на оплату выкупа, которые им потом возмещала казна. Но это ещё не всё. Богатые левантийские торговцы и дипломаты иногда прибывали в Россию с целыми свитами, в составе которых могли быть пленные христиане. Вывезти их обратно русские власти не позволяли ни под каким видом: «А которых православных хрестыян плененных привождят, окупив греки и туркчане, армени или иные гости, да быв на Москве, восхотят их с собою опять повести, ино их не давати, и за то крепко стояти; да их окупати из цареви же казны».

А вот пример совершенно другого отношения к своим. Это польский пример, но Польша всегда страстно хотела быть и слыть Европой, Европой, Европой. Осенью 1653 года польский король Ян Казимир рвался разобраться с Богданом Хмельницким, хотя последний временно имел сильного союзника в лице крымского хана. Когда поляки, казаки и крымцы сошлись на берегу Днестра у местечка Жванец, оказалось, что крымский хан уже не союзник Хмельницкому: поляки загодя сумели склонить хана к сепаратному миру. Но на каких условиях! Хан порывает с Хмельницким – и в награду может на обратном пути грабить всё, что ему вздумается, уводить с собой сколько угодно пленников. В землях польской короны! До конца года крымцы невозбранно грабили шляхетские дома («по самый Люблин») и увели в плен множество шляхты обоёго пола – это было им гораздо выгоднее, чем грабить бедных малороссийских «хлопов».

Многие немецкие князья торговали своими подданными, поставив пушечное мясо за границу. Король Саксонии Фредерик Август I (1670-1733), более известный как Август Сильный, очень любил фарфор и был счастлив выменять у французского короля 150 фарфоровых предметов (так называемый «кабинет») всего-то за два полка своей пехоты. Этот пример любят приводить в доказательство того, как высоко ценился в начале XVIII века фарфор, но почему-то никогда не приводят, чтобы показать, насколько низко ценилась в Европе того времени человеческая жизнь.

Согласно Брокгаузу и Ефрону (т. 16, с. 580), ландграф Гессен-Кассельский Фридрих «впал в долги, для покрытия которых продал Англии 17 тысяч человек своего войска для войны с американскими колониями за 21 млн. талеров». Точнее, он продал просто всё своё войско, больше ему было не наскрести: население ландграфства уменьшилось от этой продажи на 8%. Подобную же торговлю вели герцог Брауншвейгский, ландграфы Вальдеки, Гану, Анспах, другие мелкие немецкие монархи. Немецкие солдаты из владений западнонемецких княжеств покупались систематически также французским правительством. В большом количестве немецкие солдаты закупала английская Ост-Индская компания, используя их при завоевании Индии.

Почти за полтора века до этого, например, англичане предлагали своё пушечное мясо. В июне 1646 года лорд Страффорд и член парламента Флеминг говорили русскому посланнику в Лондоне Герасиму Дохтурову:

«Если царскому величеству нужны будут служилые люди, то у парламента для царского величества сколько угодно тысяч солдат готово будет тотчас».

По материалам Еженедельной независимой газеты

ПОДВИГ ЛЮБВИ И ВЕРЫ

...Свадебный кортеж с молодыми возвращался после венчания из церкви на Пречистенке. Внезапно коляску с новобрачными остановил нищий старец, опирающийся на посох. «Мария! — неожиданно сказал он, — возьми посох!» «Ты ошибаешься, отец, у меня совсем другое имя, я Маргарита», — ответила новобрачная. Но старец настаивал. Молодая женщина, недоумевающая, приняла из его рук странный подарок, а старец в следующую минуту словно растаял в воздухе...

Маргарита родилась 2 января 1781 года в семье потомственных дворян Нарышкиных. Из этого древнего и славного боярского рода некогда вышла царица Наталья Кирилловна, мать Петра Великого. Маргариту в семье в детстве звали Огоньком. Это была большая дружная семья, и Маргарита была всеобщей любимицей. Все отмечали, что Маргарита — девушка образованная, тонкая, страстная и очень религиозная. Но, к сожалению, не сохранилось ни одного ее портрета в молодости, хотя известно, что она была высокого роста и очень стройная.

В шестнадцать лет по воле своих родителей Маргарита Нарышкина вышла замуж за Павла Ласунского — его мать была близкой подругой матери Маргариты, урожденной Волконской, и они решили поженить своих детей. Но муж оказался гулякой и пьяницей. Он прямо объявил жене, что не собирается порывать со своими многочисленными подружками, а в качестве утешения посоветовал ей завести себе любовника из числа его друзей. Надо ли говорить, что для Маргариты это явилось настоящим шоком. Она скрывала это довольно долго, пока мать, видя, что ее дочь находится в ужасном состоянии, не узнала обо всей этой истории. Нарышкины были очень влиятельной семьей, поэтому удалось быстро добиться от Синода развода и возвращения Маргарите прежнего положения. Она вновь называлась девицей Нарышкина.

Словом, жизнь Маргариты начиналась довольно драматично. А кому пожалуешься? Какие подруги в шестнадцать лет, с которыми можно обсудить столь серьезные проблемы? Отчаяние и обида поселились в душе, свое нашептывала уязвленная гордость... Какой возможен дальнейший путь? Брак по расчету? Маргарите это не подходило, ведь она была натурой романтической, эмоциональной, чувствительной. Можно было поставить крест на своей личной жизни, обратиться к Богу. Но обращение в столь раннем возрасте, когда жизнь полна радостей и удовольствий, когда еще ничего по-настоящему хорошего и не было в ней, тоже было противно живой и деятельной натуре Маргариты. Какой же выход? Она втайне надеялась, что судьба ей улыбнется. Главное — терпение и выдержка. И Нарышкина стала ждать...

После всей этой печальной истории первого замужества Маргарита неожиданно для себя влюбилась. Влюбилась в блестящего генерала, красавца Алек-

сандра Тучкова, которого в столице называли Аполлоном. Молодые люди встретились на одном из балов и полюбили друг друга. Тучков попросил руки Маргариты у ее родителей, но те отказали, потому что были напуганы неудачным предыдущим браком, и несколько лет не давали своего разрешения. После отказа родителей и отъезда Александра за границу Маргарита стала угасать на глазах. Нужна ли она ему, разведенная, с незадавшейся жизнью? Она ревновала, мучилась, ее душа металась. Вот он уехал и даже не попрощался... Но однажды Маргарите передали небольшой конверт. Это было письмо от Александра Тучкова на французском языке. И каждая строфа заканчивалась словами: «Кто владеет моим сердцем? Прекрасная Маргарита».

Только в 1806 году молодые обвенчались, и Маргарита стала сопровождать мужа в военных походах. Да, женам русских генералов разрешалось следовать за мужьями фронтными дорогами, но сколь немногие воспользовались этой возможностью! Деятельный, неунывающий характер помогал Маргарите переносить тяготы походной жизни. Ей пришлось по пояс в ледяной воде переходить Ботнический залив во время шведской кампании. Она училась стойко терпеть зрелище смерти, перевязывать раненых, ухаживать за ними, выслушивать последнее слово умирающего... Не раз Маргарита обмирала от страха при грохоте артиллерийских орудий, и это были страшные часы, когда она не знала, вернется ли ее муж живым или нет.

...Маргарита проснулась среди ночи от страшного сна. Она сидит у стола в незнакомой комнате вроде тех, что бывают на постоялом дворе. Вдруг открывается дверь, входит ее отец

и говорит со слезами: «Муж твой пал на полях Бородине». В отчаянии и слезах, даже не поняв, что это был всего лишь сон, она побежала к Александру. Услышав об этом нелепом сне, он велел тут же принести подробную карту России, и все принятое место — Бородино. Кто мог тогда знать, что Бородино навсегда войдет в историю России! Искали главным образом у западной границы, где был расположен тогда Ревельский полк, которым командовал Тучков. Не найдя, рассудили, что все вздор и все от перемены погоды. Наверное, Маргарита обладала очень развитой интуицией. Она ощущала, что может произойти что-то трагическое, и ее мистический сон, и все ее попытки быть рядом с мужем, как-то оградить, защитить его, говорят о том, что она многое предчувствовала...

...В тот день в бою с французами под деревней Семеновской Тучков поднял свой полк в атаку. Солдаты, оробевшие под шквальным огнем вражеских батарей, замешкались. «Вы стойте? — Я один пойду! — крикнул Тучков, схватил знамя и кинулся вперед. Картечь расшибла ему грудь. Тело его не достало в добычу неприятелю. Множество ядер и бомб каким-то шипящим облаком обрушилось на то место, где лежал убитый, взрыло, взбуравило землю и взброшенными глыбами погребло тело генерала», — так писал Федор Николаевич Глинка о гибели Тучкова в своих «Очерках Бородинского сражения».

Маргарита узнала о героической смерти мужа на Бородинском поле в начале сентября 1812 года. Спустя два месяца, с картой, где было помечено место гибели Александра, Маргарита отправилась в Бородино. Невозможно себе пред-

ставить, что увидела эта молодая, хрупкая женщина. Десятки тысяч трупов лежали небруннанные с того страшного августовского дня, десятки тысяч лошадей, оружие, техника. Все это было перемешано страшным огнем с обеих сторон.

Два дня она разыскивала тело своего мужа, но не нашла. И тогда она решила построить на этом месте церковь. Маргарита продала свои бриллианты, император Александр I прислал 10 тысяч рублей. Для Тучковой построили деревянный домик, где она поселилась вместе с сыном, родившимся в 1811 году, и руководила строительством. К 1820 году Спасская церковь была построена. Она оказалась первым памятником на Бородинском поле. Каждый день, каждый час Маргарита ощущала присутствие Александра. Он словно был рядом... Единственное, что спасало Маргариту — это сын Николенька. Как-то вечером на столе Маргарита обнаружила записку, написанную детским неуверенным почерком: «Матушка, жизнь моя! Если бы я мог показать Вам свое сердце, Вы нашли бы в нем Ваше имя».

В 1826 году судьба нанесла новый страшный удар Маргарите. По делу декабристов, в кандалах, был отправлен в Сибирь ее любимый младший брат Михаил Нарышкин. Не выдержав горя от всего, что произошло, скончалась ее мать. А самое ужасное: от скарлатины в пасхальные каникулы умер любимый сын, пятнадцатилетний мальчик, в котором с каждым годом все больше проявлялись черты, внешние и внутренние, его отца, Александра Тучкова. Маргарита словно обезумела. Теперь уже ничто не держало ее в миру. Она привезла прах сына на Бородинское поле и похоронила его в склепе церкви Спаса Нерукотворного, построенной

на костях ее мужа. Иногда по ночам она выскакивала из своего домика и бежала куда-то в темноту. Ей казалось, что сын и муж зовут ее. Она запиралась в склепе, и там ее находили без чувств...

Надо было как-то справляться с этой безнадежной ситуацией, и Маргарита написала письмо с просьбой о духовной поддержке митрополиту Филарету Московскому, великому архипастырю своего времени. Он приказал сделать то, что было нужно в этом случае — убрать последние крохи, что остались от Николеньки — игрушки, детские вещи. Митрополит запретил ей часто бывать и плакать на могиле сына и велел заняться делом — основать общину, чтобы утешать других вдов. Она этим занялась, и у нее все получилось — ведь и по происхождению, и по харизме, которую она излучала, Маргарита была незаурядной, сильной духом женщиной, уповающей на помощь Божию. И в этой точке произошла удивительная перемена, когда жизнь становится житием...

К 1833 году поселение вокруг Спасской церкви получило статус общежития, пока еще не монастыря, а Спасо-Бородинский монастырь возник позже. В 1838 году Маргарита Тучкова приняла постриг и стала инокиней Меланией, а в 1840 году митрополит Филарет совершил над Тучковой обряд великого пострижения и на следующий день посвятил ее под именем матери Марии в сан игуменьи созданного ею Спасо-Бородинского монастыря. Сбылось пророчество неведомого старца. И до самой своей смерти в 1852 году она возглавляла этот монастырь и молилась за павших на Бородинском поле.

**ЕЛЕНА ЕРОФЕЕВА,
Матроны.ru**

«БЕЗНАДЕЖНАЯ» ПАЦИЕНТКА СВЯТОГО ВРАЧА

Тяжелейшие испытания выпали на долю маленькой Вали с самых первых дней ее жизни. Девочка родилась в Керчи в 1943 году. Отец ее в мирное время работавший на заводе, в войну служил на морфлоте, воевал в Латвии, где героически погиб в 1944 году. Мама во время оккупации Керчи не побоялась спастись вытолкнутой из гонимой фашистами на смерть толпы еврейскую девочку лет четырех, разыскать ее родственников и передать им ребенка. За это и за то, что она жена фронтовика, по доносу предателя, молодая женщина с восьмимесячным младенцем на руках была арестована и угнана в Симферополь, в концлагерь «Картофельный городок». Ей приходилось сушить пеленки у себя на груди, отчетливо молоко исчезло. Даже немец-охранник их пожалел, стал приносить коровье молоко, но мать боялась его брать: вдруг отравленное...

Худо-бедно дожили до весны 1944 года. Когда стали наступать наши, Марии Германовне с Валею удалось бежать из лагеря. В Симферополе она никого не знала, но смогла найти работу на кирпичном заводе, а через какое-то время получить квартиру. Можно долго описывать новые, одно за другим наступавшие на вдову с дочкой мытарства, но в те годы, после такой войны мало кому жилось припеваючи. Перейдем ближе к тому, ради чего пишутся эти строки, — встрече маленькой Вали с самым главным в ее жизни врачом.

Шел декабрь 1949 года. К тому времени Валя уже около двух лет пролежала в больнице. Заболела она после лета, проведенного на даче в Евпатории. По возвращении домой у ребенка вдруг начал расти живот. Малышку положили в больницу, долго обследовали, несколько раз собирали консилиум, ставили на табуретку: «Девочка, покажи животик». Ручки-ножки тоненькие, огромный вздутый живот. Выдвигались предположения: водянка, рахит и даже... ложная беременность. Валя так привыкла к уколам, что уже не чувствовала их, но нераспознанная болезнь только прогрессировала. Во время последнего консилиума, в итоге также безрезультатного, она уже не могла стоять не только на табуретке, но и на полу.

— Меня перевели из обычной палаты куда-то вниз — туда и врачи почти не заходили, — вспоминает героиня нашего рассказа. — Доктора, видимо, подготовили маму к тому, что ребенок умрет, взявши расписку, что у нее нет претензий к медикам, и тогда она унесла меня из больницы, потому что самостоятельно ходить я уже не могла. И стала готовиться к тому, что скоро меня потеряет.

— И вот после всего этого мама услышала, что совсем недалеко от дома, где мы жили, живет хирург-архиепископ, который помогает даже самым безнадежным больным, — продолжает Валентина Герасимовна. — Помню, как она понесла меня к нему, поднялась со мной на руках на второй этаж и, пройдя по длинному узкому коридору к дверям, у которых выстроилось много людей, заняла очередь. Помню, как из кабинета, где шел прием, вышла худощавая, в черном, женщина, раза два прошла туда-сюда. Детей в очереди кроме меня не было, и, думаю, поэтому эта женщина пригласила нас войти прежде, чем подошла наша очередь.

За столом сидел и что-то писал, макая ручку в чернильницу, большой дедушка в очках, в длинном одеянии, в черной шапочке на

голове. На столе было разложено много книг, бумаг. Меня же заинтересовало пресс-папье — я подумала, что это кукольные качели-люлька. Дедушка поднял голову, и я смогла рассмотреть его лицо, свежее и румяное. Он выглядел строгим, и в то же время каким-то мяконьким. Руки у него были пухленькие, но старенькие. На нем был большой, как мне показалось, очень тяжелый крест.

Доктор сказал маме, чтобы она подошла и поставила меня на ноги. Мама ответила, что я не могу стоять. Но он повторил два раза: «Ставьте-ставьте». На этот раз мама послушалась. Я стала и, на удивление, простояла все время, пока шел осмотр. А проходил он так. Владыка сказал: «Опусти головку», накрыл меня плотной материей так, что мне ничего не было видно, положил сверху теплую, мягкую, можно даже сказать, воздушную руку и стал спрашивать, как меня зовут, сколько мне лет, где мой папа. Я отвечала: «Валентина. Шесть лет. Папу убили на войне». Он что-то читал шепотом, теперь я понимаю, молился, а когда снял с меня покров, я увидела, что он смотрит мне в глаза, и услышала слова: «Ну что, деточка, будем животик резать, но ты не бойся. — Потом перевел взгляд на маму. — Сколько времени девочка лежала в больнице? Что говорят врачи? Что выписали?» — «Они не знают, что с ней: не могут поставить диагноз», — ответила мама и подала листок, который ей выдали в больнице. Святитель взял его, быстро прочитал и сказал: «Покуда организм у девочки крепкий, будет делать операцию. Она выдержит». Потом долго что-то писал и выдал нам направление на операцию в 1-ю Советскую больницу. Еще один удивительный момент: уходила я от святителя пусть неуверенно, пусть с трудом, но уже своими ногами.

Незадолго до того мама пошла мне и себе одинаковые белые блузочки и черненькие сарафанчики, в них мы пошли фотографироваться на память, перед тем как идти на операцию. Может быть, в последний раз...

Здесь пора упомянуть, что святитель Лука диагностировал у Валентины туберкулез тонкого кишечника. В детстве она постоянно ела мел и песок — видно, чего-то не хватало в организме. На пляже в Евпатории, где традиционно лечилось и лечится много больных туберкулезом, в песке оказалась туберкулезная мокрота, девочка ее проглотила, и начало развиваться заболевание, грозившее перейти в смертельное, не пошли Господь на помощь Своего святого врача.

В больнице, куда направил Валю Владыка Лука, маму с дочкой встретили не слишком приветливо. Врач, мужчина лет 35-ти, прочитав врачебное заключение профессора Войно-Ясенецкого, долго смотрел на Валею, как бы оценивая ее внешний вид «узника Бухенвальда», после чего заявил, что детского отделения здесь нет, и братья за операцию он не будет: «Кто вас направлял, тот пусть и оперирует. Мне лишнего покойника не надо». Но в то-то и дело, что сам Святитель операций тогда уже не делал, так как

плохо видел, и отправил больную девочку в областную, самую оснащенную в те годы в Крыму больницу, зная, что работающие там его коллеги в силах ее спасти.

Недовольство недовольством, но Валею отвели в палату, где все, кроме нее, были взрослые. Оставив ее там, мать побежала к Владыке Луке с вестью, что ее девочку отказываются оперировать. «Что, не верят в ребенка?» — заключил он, но не отступился, а написал записку, в которой назначил число и час операции, на которой будет присутствовать сам и консультировать хирурга.

«Под его время подстраива-

лись, а не он под их», — объясняла потом Валентине мама. И не выполнить указания выдающегося ученого хирурга, лауреата Сталинской премии первой степени, у его коллег, видимо, просто не хватило духа.

Утро перед операцией 17 декабря, казалось, вот-вот переполнит чашу терпения долгих страданий шестилетней Вали. Накануне вечером ей вычистили кишечник. Из тумбочек ее и всех соседок по палате убрали все съедобное. Утром девочка почувствовала нестерпимый голод, сильно плакала и просила есть. Ходячие больные ушли из палаты, лежащие закрылись подушками, чтобы не слышать детских рыданий. Когда пришла медсестра, Валя стала ее спрашивать: «Где мое кушанье, где мои мандаринки?» — «Собачка прибежала и все скушала». — «Как же собачка могла пробраться на второй этаж и найти мое кушанье? И у соседок все съест?»

Валя поняла, что ее обманывают, вышла в общий коридор в одной рубашке, села на корточки и, вытянув ручку, умоляла: «Тетечки, дайте хоть кусочек черного хлебушка».

Душераздирающая сцена прекратилась часов в 10-11, когда девочку повели в большую светлую комнату-операционную, где стояло несколько столов, на которых кто-то лежал. Уложив Валею на

один из них, медсестра отвернула ее голову и прижала к своему животу, чтобы дитя не увидело еще и чужих страданий. Так, ничего не видя, она услышала: «Приехал!», и ей сразу стало ясно, кто приехал. За дверью операционной забегал медперсонал: оказалось, что в больнице нет для Владыки подходящего по росту халата. Оторвали кусок от простыни и стали быстро подшивать к подолу.

Святитель вошел в операционную в этом надставленном белом халате, накинув поперек ряссы, с запомнившимся Вале по их первой встрече большим крестом на груди. Следом за ним шла целая свита врачей постарше, а двое молодых вели его под руки. Подведя профессора к столу, где лежала Валя, эти двое попросили разрешения держать ее ручки во время операции.

После того как лицо девочки накрыли бордового цвета марлевой с наркозом, Святитель склонился над ней и начал задавать вопросы: «Как тебя зовут? Сколько тебе лет?» и т.д.

— Вы же знаете, — удивленно ответила она, но он продолжал расспрашивать, а ей очень захотелось спать, и она уснула.

Очнувшись Валя уже в палате и держала в руках замечательную дорогу куклу с закрывающимися глазами. Мария Германовна купила ее на последние деньги, выразив таким образом свое ничем не

измеримое счастье оттого, что дочь спасена. Девочка потянулась за куклой, но не удержала ее в слабых руках и уронила. Глазки куклы провалились. Это горе оказалось поправимым — в магазине маме обменяли куклу на новую. Здесь бы и поставить точку в нашем повествовании: тучи рассеялись, беды ушли. Но Валею с мамой ждало еще одно серьезное испытание, преодолеть

которое было бы невозможно без помощи святителя Луки.

Всем, кто когда-нибудь перелистывал страницы земного жития святителя Крымского Луки, известно, что он, профессор медицины В.Ф. Войно-Ясенецкий, никогда не полагался только лишь на свои глубокие познания, на свой обширный и богатейший хирургический опыт. Он всегда просил помощи у Господа, молясь о каждом своем больном перед каждой предстоящей операцией. И операция, которую благословил сделать шестилетней Вале, за исход которой взял на себя ответственность и руководил, находясь рядом с хирургом, сам Владыка Лука, прошла успешно. Кто бы усомнился, подумав мы, но, увы, этот вопрос не окажется риторическим. Нашелся-таки — усомнившийся.

Было ли это изощренное, замешанное на гордыне и зависти стремление доказать, что старенький профессор-архиепископ нам не указ, или тупое упрямство (доктор сказал: «В морг» — значит, в морг)? Скорее всего, и то и другое вместе, но...

Убедившись, что все исполнено как надо, Святитель уехал. Хирургу оставалось только наложить швы. И уж он их наложил по собственному произволению — как патологоанатом на покойника. (Это отнюдь не преувеличение.

Большой уродливый шрам на месте разреза всю последующую жизнь не дает Валентине Герасимовне забыть, как пытался доказать на ее детском тельце свою правоту тот самонадеянный доктор).

После выписки Вали домой и снятия швов через какое-то время из-под грубо зашитого разреза стал, не переставая, сочиться гной, и в конце концов образовался свищ. Шел месяц за месяцем. Наступили теплые дни. Ни лечебные препараты, ни кварцевое облучение не действовали: свищ не затягивался. Мария Германовна поняла, что, как и в прошлый раз, если ее исстрадавшаяся дитятке не поможет врач-архиепископ Лука, то не поможет больше никто... Ему не надо было объяснять причину послеоперационного осложнения.

— Что, не надеялись, что девочка будет жить? — только и произнес с горечью настоящий доктор, осмотрев маленькую больную, и рассказал матери, что надо делать. По его предписанию Мария Германовна стала каждый день в восходе солнца выносить дочку во двор. Укладывала на топчан, открывая место, где образовался свищ, чтобы ультрафиолетовые лучи его прогревали, а все вокруг него прикрывая. Первая такая процедура длилась одну минуту, на второе утро — две, и так, прибавляясь по минуте, время достигло часа, после чего пошел обратный отсчет.

— Как я изнемогла за этот час, — вспоминает Валентина Герасимовна, — но приходилось терпеть: мама неукооснительно исполняла указания Владыки.

Ранка зарубцевалась, все полностью прошло.

Следующей осенью Валя поступила в школу. Они с мамой жили неподалеку от дома святителя Луки, а школа и вовсе оказалась рядом со Свято-Троицким кафедральным собором, где он служил. И выпадали такие счастливые минуты, когда выйдя на перемену, она видела со школьного двора: приехал ее ищущий. Вот ему помогают выйти из машины, ведут по выстеленной дорожке к церкви. И она бежала со всех ног, чтобы поцеловать его добрую, теплую, благословляющую руку.

— Вы, еще ребенок, испытывали такое сильное чувство благодарности к Владыке Луке? — спрашиваю я.

— Слова «благодарность» мало, — Валентина Герасимовна даже встает со стула, на котором сидела, рассказывая свою историю. — Это спаситель мой! Я всегда это знала. Два раза мама к нему обратилась, и он не отказал, но все сделал, чтобы я осталась жива.

Валентине было семнадцать, когда окончился земной путь незабвенного ее спасителя. Вот как запечатлелся в ее памяти день погребения святителя Луки:

— Народу собралась тьма тьмущая. Очень много было духовенства — и нашего, и из дальних стран. Долго шли до кладбища, понятно, что я не в первых рядах. Когда стали опускать гроб в могилу, я, росточка небольшого, худенькая, юркая, пролезла сквозь всех, кто ближе стоял, и успела земельку бросить на крышку гроба, чтобы была ему пухом...

Жизнь у Валентины Герасимовны Орловской, по мужу Колесниченко, сложилась. Жила — не тушила в ставшем родным Симферополе, работала на предприятиях пищевой промышленности. Вышла замуж за хорошего человека, родила двух дочерей. Муж дал ей возможность оставить работу, чтобы воспитать детей. Сейчас у нее еще и трое внуков.

Цветы,

НЕ СРЕЗАННЫЕ ВОЙНОЙ

Ночью шёл дождь, ба-
рабил по жестяному
подоконнику старого, так и не
дождавшегося металлопла-
стикового обновления, окош-
ку смотровой палаты приём-
ного отделения, где только на
рассвете свернулась я кала-
чиком на одной из клеёнча-
тых больничных кушеток.

Последнее моё дежурство
прошло на удивление тихо. По-
этому заболталась после часу
ночи, когда все обычные дела
были сделаны, на приёмном с
подругой Настей, тоже дежур-
ной сестричкой. Заодно забра-
ла у неё список лекарств, кото-
рые, по возможности, надо при-
везти в больницу, когда приеду
опять помогать.

Дождь шёл до рассвета. В
открытое окно вривалась с ули-
цы свежесть, белая тюль над
окнами колыхалась, словно ды-
шали палаты полной грудью. Мы
с Настей, уже выплакав друг
другу все свои тревоги, неза-
метно вдруг уснули на топчанах
в смотровой, так и не дойдя до
гостеприимных мягких диванов
ординаторской.

А утром Лёша, водитель
«скорой», привёз огромный бу-
кет красных роз, мокрых после
ночного ливня и благоухающих
чем-то неземным.

– Всегда бы так, – буркнула
сонная Настя, утопив курносый
нос в алых пахучих лепестках. –
Неужели дождалась того, что ты
мне розы вместо очередного
больного привёз?

У Насти с Лёшкой любовь
в первом конфетно-бу-
кетном периоде, хотя во время
войны какие уж тут конфеты?
Наблюдать за ребятами приятно,
как за всеми влюбленными
во все времена и эпохи.

Война обострила человече-
ские чувства, поэтому влюблен-
ность у ребят звонкая, с лучи-
стыми взглядами и быстрым при-
косновением рук, когда вынима-
ют из подлетевшей машины оче-
редного страдальца. Здесь все,
как в стихах: «...и каждый раз
навек прощайтесь, когда уходите
на миг». Поэтому и обычный
букет ранним утром не в торже-
ственном гремящем целлофане,
а просто, из рук в руки – целая
поэма без слов.

– Давай, Лёшка, Настёну бе-
реги, пока меня не будет, – про-
щаюсь с Лёшкой по-взрослому,
за руку. Лопухий парнишка
вдруг начинает суетиться, узнав,
что уезжаю, что-то бормочет про
то, что сейчас слетает к маме в
сад ещё за одним букетом.

– Дурачок ты, Лёшка, – об-
нимаю его за худые плечи на
правах взрослой и мудрой тётки.
– Мои самые главные цве-
ты – это вы. Постарайтесь, что-
бы война вас не срезала. А розы
я всё равно не довезу, дорога
длинная. И вообще, Лёшка, я
пионы люблю, – дёргаю его за
непослушный вихор, как сына.

Война-воровка украла у меня
в этом году цветение пионов.
Распускали они по садам без
меня свои великолепные пыш-
ные шапки лепестков, благоухали
мёдом, гордились, важничали.
Не до пионов мне было в
поездках за лекарствами и в
больничных авралах среди
вспыхнувших с новой силой боях
на Донбассе.

Да что пионы... Без пионов
пару лет прожить можно, хотя и
грустно, а вот как жить тем, у кого
война навеки украла дом, близ-
ких, детей, здоровье? Война обо-
крала мой народ на много лет

вперёд. У одних похитила дружбу
и родственные связи, у других на-
дежды на будущее, у третьих –
саму веру в добро. Кто поймает и
свяжет воровку, осудит её, отпра-
вит в вечное заключение? Кто ис-
целит страшные раны на телах
солдат и в сердцах матерей? Кто
даст силы нам всем нести тяжё-
лый и скорбный Крест памяти?
Каждый будет искать ответ в сер-
дце сам. Дай Бог найти. Каждому
же. А войну ненавижу.

От грустных мыслей отвлек-
ла Аркадьевна, вышедшая про-
щаться. Она большая умница.
Это генерал старой сестринской
гвардии. Она, да санитарочка
Брониславовна, да строгая Вера
Сергеевна – мои командиры от
медицины. Каждая чему-то на-
учила в своё время. Когда при-
шла война, хоть были мы с Арка-
дьевной уже далеко от больнич-
ной жизни, она – в силу возраста,
я по иным жизненным обстоя-
тельствам, нам пришлось встать
в строй, вспомнить былое.

Сколько таких, вновь встав-
ших в строй.

Владимир Павлович, старый
хирург нашей поселковой боль-
ницы, вышел на крыльцо попрощаться,
а делает вид, что покурить.
Шутит грустно:

– Вот, едешь опять, я теперь,
как вампир буду, без тени.

Это наша больничная давняя
прибаутка. Учила нас по молодости
старшая медсестра Вера Сергеевна
тому, что хорошая сестричка как
тень должна быть. И больному, и
врачу. Всё говорила:

– Для тяжёлого больного
стань незаметной и неотвязной.
Лишний раз не тревожь, но и
одного не оставляй. И врача
должна понимать без слов, с
одной морщины на лбу. Всюду
тенью за ним.

Прощаемся. Долгие проводы
– лишние слёзы. За нас дождь
уже ночью поплакал, умыл под-
ворье. И Аркадьевна, понимая
всё, нарочито сердито гудит:

– Ничего, девонька, чай, не
на год прощаемся. Давай, мужой
туда-сюда-обратно: без ле-
карств нам никуда. Отдохнуть
потом, на кладбище будем, ко-
гда в землю ляжем, если отды-
х заслужим.

И потом, чтобы немного всех
взбодрить:

– Расслабились тут. Война
войной, а красота и порядок дол-
жны быть. Чего клумбы такие не-
ухаженные? Или больным радо-
сти не надо? Вот приедешь, зай-
мёшься на досуге, чтобы губы не
дула – пионов, вишь, не понюха-
ла... Ещё и розы посадим. Что,
одной Насте с розами, что ли,
красоваться? Пока роз с этой
клумбы не дождусь, помирать не
стану, так и знайте.

Не хочу, чтобы Аркадьевна
помирала. Хорошо бы, чтобы
наши старики жили долго, топа-
ли потихоньку на уличные поси-
делки на лавочках, белыми оду-
ванчиками выглядывали бы в
окна домов, встречали бы у ка-
литок нас, залётных птах, на ули-
цах нашего детства. И пусть уже
ничего не делают по немощи,
только разговаривают с детво-
рой, птицами, котами и цветами.
Потому что кто же ещё с ними и
поговорит, как не они, старич-

ки, уже никуда не спешащие?

В каждом городке, в каждом
посёлке по пути моих военных
дорог есть у меня любимый се-
дой «одуванчик», старичок-свет-
лячок. В них, уже на Небо стре-
мящихся, света много.

Не устают они меня этим сво-
им светом удивлять. Наверное,
война линзы души протёрла-про-
мыла слезами, стала их видеть,
со всеми бедами и радостями.

В жизни тётки Тома было
только две радости: цве-
ты и её муж Петро. Для нас, от-
носительно молодых тогда их
соседей, просто дядя Петя. Есть
в каждой многоэтажке большо-
го города такие соседи, кото-
рых за всю жизнь никто по отче-
ству так и не назовёт – в силу их
простоты.

Тётка Тома и дядя Петя таки-
ми были. Сколько помню тётку
Тому, всегда встречала в общем
коридоре с неизменно белым
платочком на голове и с лопа-
той или сапой в руках, в зависи-
мости от времени года, потому,
что работала тётка Тома в зелен-
хозе. Зимой она возилась с рас-
садой где-то в теплицах, но уже
с апреля руки и лицо тётки Тома
были покрыты загаром от посто-
янного нахождения на городских
клумбах под ранним солнышком.

Куда бы вы ни ехали по сво-
им делам в разные концы мега-
полиса, хоть один раз в день, но
видели её белый платочек из
окна маршрутки или трамвая.
Тётка Тома гнула над городски-
ми газонами спину, ползала на
коленках, высаживая сальвии,
пушила землю у канн.

Цветы она любила так, как
иной не любит детей. Некоторые
злыеязыкие жилицы нашего дома
утверждали, что такая трепетная
любовь ко всему растущему и
цветущему у неё от того, что сво-
их детей у неё не было. Злую бо-
лтовню мало кто слушал, потому
что тётку Тому в доме любили.

Именно её стараниями наши
дети бегали в цветниках возле
дома. Тётка Тома, никого не спра-
шивая, не дожидаясь директив
и помощи «жека», разбила перед
домом клумбы. Где могла, наса-
дила кустов сирени и бузины.
Жаркими сухими летними вече-
рами сама разматывала у
подъезда длинный тонкий шланг
для полива, подсоединив его в
подвале к какому-то, ей одной
ведомому, крану.

Шланг извивался и подерги-
вался, тётка Тома направляла раз-
битую в брызги струю на клум-
бы, и поливала, поливала ногот-
ки, ромашки, колокольчики, пе-
тунии. Вечерний воздух сразу
наполнился ароматами, среди
которых уже неслышно смрада
людских сплетен и пересудов.

Тётка Тома на баб-сплетниц
не обижалась, имея характер
добрый.

– Да, цветы – мои дети, –
всегда вздыхала она. – Господь
других не дал, не заслужила.

И тётка Тома тихонько грусти-
ла.

Однажды вечером, когда
зашла к ней домой за обеща-
нным отростком красной герани,
она, влюблённо глядя на чёрно-
белую фотографию мужа, дяди
Пети, худого и вихрастого, вдруг

разоткровенничалась:

– Не дал мне Господь деток за
то, что Петра из чужой семьи уве-
ла, от двух дочек. Ничего с собой
поделать не смогла. Очень я его,
своего Петечку, полюбила. Да и
как не полюбить было красавца.

Тётка Тома смотрела на фо-
тографию и вздыхала.

По своей тогдашней молодости
и глупости я только удивлялась.
Дядя Петя и на фотографии от-
носительно далёкого от линии
фронта города две худенькие
женщины с четырьмя детишками
– дочери покойного дяди Пети от
первого его брака.

К тому же был он не дурак
выпить, о чём мы, его соседи,
знали лучше всех. Бывало, дядя
Петя приходил домой навеселе
и не мог открыть дверь. Тогда он
просто садился на коврик у по-
рога и ждал, когда жена его вер-
нётся с работы. Иногда тихо
спал, прислонившись спиной к
стене, иногда начинал петь. Лю-
бые попытки забрать его в наши
квартиры до прихода тётки Тома
терпели неудачу, потому что дядя
Петя отмахивался и твердил:

– Жену жду.

Тётка Тома, вернувшись с ра-
боты, его не ругала, а только,
бывало, скажет:

– О, Петенька мой пьянень-
кий сидит.

На следующий после питья
день дядя Петя обычно извинялся
перед всеми соседями, даже
перед моим маленьким сыном,
совал ему в ладошку конфету. На
радостное детское: «Дядя Петя
съел медведя!» только смущён-
но махал рукой: перебрал, мол,
вчера, простите за неудобство.

Дядя Петя страстно любил
рыбалку и степь. Сам он был
родом из Луганского края. Каж-
дый раз при разговорах о Родине
вздыхал:

– Мало мне в городе этом
простора. Душе развернуться
негде, не то, что дома, – растя-
гивал на всю меха аккордеона и
запевал:

– Спят курганы тёмные, сол-
нцем опаленные...

Потом дядя Петя петь пере-
стал. Болезнь, в прямом смысле
этого слова, взяла его за горло.
Рак гортани за полгода превра-
тил певуна-соседа в молчаливо-
го страдальца. В последние дни
его жизни, когда он уже ничего
практически не говорил, я помо-
гала тихо плачущей тётке Томе и,
ставя капельницу больному, сре-
ди хрипов и бульканья, льющихся
из его горла, вдруг разобрала:

– На дальнем кладбище меня
похороните, за городом. Чтобы
и птицы пели, и лягушки квака-
ли. Прости, Томочка, что ездить
тебе будет далеко.

На поминках тётка Тома всё
подливала соседям из
бутылок беленькую и говорила:
– Кушайте, пейте, мой Петеч-
ка веселье очень любил, да и её,
водочку, тоже.

Тётка Тома плакала. Не смела
ей возражать, мол, поминать по-
христиански водкой нехорошо.

Казалось бы, из земной люб-
ви для тётки Тома остались толь-
ко фотографии вихрастого мо-
лодого Петра и цветы.

Но Господь решил иначе. На
Донбассе началась война,

страшная и жестокая. Шарахну-
ло по моим землякам, словно по
улью трудолюбивых пчёлочек чем-
то тяжёлым и разрушительным.
Вот уже ни улья, ни роя, мечут-
ся в горячем небе сотни расте-
рянных судеб, звенят душами.

Мои дончане, луганчане потя-
нулись кто куда от руин родных
домов и ужаса обстрелов. В один
день стали на пороге тётки Томи-
ной двухкомнатной квартиры от-
носительно далёкого от линии
фронта города две худенькие
женщины с четырьмя детишками
– дочери покойного дяди Пети от
первого его брака.

Война не оставила в душах
человеческих места обидам.
Горе всё место заняло. У иных –
любовь.

Тётка Тома ожила. Спала
она теперь на кухне, от-
дав обе комнаты «дочечкам», как
называла она усталых женщин.
На улицу, к своим цветам, выхо-
дила теперь в сопровождении
четырёх внуков – двух мальчи-
ков и двух девочек. Наши домо-
вые сплетницы прикусили язы-
ки, потому что бесплодная тётка
Тома в одночасье стала мате-
рью, о чадах веселящейся.

Сегодня, вернувшись к вече-
ру в город из прифронтового
Донбасса, встретила её у дома
с привычным шлангом в руках,
успевающую поливать цветы,
вытирать нос Кюсюе, поправ-
лять косынку Вике, звонко отве-
чать на жалобы Павлика, несущиеся
с качелей:

– Баба Тома, мне Петька ка-
таться не даёт...

Дети шумели, цветы благо-
ухали, теперь уже не тётка, а баба
Тома за всем этим шумным хо-
зяйством присматривала.

– Ну, как там у нас? – спро-
сила она меня, когда мы с мужем
втиснули нашу запылённую «Вол-
гу» между машин на стоянке у
дома. Баба Тома право на такие
вопросы имела, потому что была
теперь на сто процентов наша, с
Донбасса, потому что и на её
плечи легла тяжесть войны.

– Ничего, держимся, – корот-
ко от усталости ответила ей. А по-
том вдруг, почему-то моменталь-
но раскиснув после больницы, до-
рог, блокпостов, вздохнула:

– Цветы у вас дивные, пах-
нут так чудно. Миром пахнут.
Знаете, тётка Тома, я пионов в
этом году и не нюхнула даже.

Тётка Тома обнимала меня за
плечи и тихонько шептала:

– Я вам, ребята, самые луч-
шие кусты по осени откопаю,
посадите у Петечки на родине.
Следующей весной цветы у вас
будут пахнуть, как в Раю. Петеч-
ка мой рад будет.

Верила ей всем сердцем, что
нас после этих страшных лет
ждут только цветы, смех детс-
кий, скрип качелей во дворах,
тихое синее небо.

Пионы на клумбу возле боль-
ницы шахтёрского посёлка поса-
дим, Бог даст, чтобы Аркадьев-
на тоже видела. Розы сажать не
будем. Пусть их лучше Лёшка
Настёне возит из маминого са-
дочка. Аркадьевна будет жить
долго-долго, потому что не бу-
дет роз на пионной клумбе – вот
и будет уговор соблюден.

Ирина ВЯЗОВАЯ

ИНТЕРНЕТ-ОБОЗРЕНИЕ

ЗАХВАТЫВАЮТ ХРАМЫ

Захватами храмов Украинской Православной Церкви занимаются преимущественно люди неверующие, которые не желают молиться и в храм никогда не ходили. Об этом заявил наместник Успенской Почаевской лавры митрополит Почаевский Владимир.

«Какая вера у тех, кто приходит захватывать храм? В большинстве случаев, они и не знают, как правильно перекреститься! Я бы даже сказал, что они не знают и «Отче наш». Разве может верующий человек прийти в другое сообщество и чинить там зло? Или устроить разбой, расправу? Нет! Нам не позволяет делать это христианская совесть. А они это себе позволяют, так как в них нет никакой христианской морали», – отметил иерарх.

Владыка Владимир подчеркнул, что раскольники почти ничего не строят в Украине, а пытаются забрать то, что им не принадлежит.

ВСЕ ПОЗВОЛЕНО?

Тюремные капелланы в американском штате Кентукки теперь не имеют права говорить своим подопечным о греховности однополовых отношений. Данное решение приняло руководство уголовно-исполнительной системы штата. Если же священнослужители откажутся исполнять данное предписание, то, согласно принятому решению, они не будут допускаться до служения среди заключенных. Ранее один подобный случай уже произошел – отказавшийся исполнять новое предписание протестантский капеллан, был лишен полномочий служить в тюрьме.

ХРИСТИАНСКИЙ КИТАЙ

Американский социолог Родни Старк провел исследование, согласно которому в 1980 году в Китае было 10 миллионов последователей Христа разных конфессий, а в 2014-м их стало уже почти 100 миллионов. Таким образом, число христиан в Китае увеличивается каждый год на 7%. При этом отмечается, что среди тех, кто только обратился ко Христу, множество бывших последователей конфуцианства, даосизма и буддизма, которых не устраивают их прежние религиозные системы.

ФАНАТИКИ В ЕВРОПЕ

Крупный инцидент произошел в немецком городе Зуль в Тюрингии между мигрантами-мусульманами и стражами порядка. В местном общежитии для приезжих с Ближнего Востока один из постояльцев разорвал Коран. Толпа возмущенных мусульман побежала за ним, а затем набросилась на полицейских, которые пытались спасти беглеца. Столкновение длилось больше четырех часов. Полиции пришлось вызывать подкрепление из других городов. В сотрудников правопорядка летели камни, многие нападавшие были вооружены железными прутьями. Трое правоохранителей серьезно ранены, стекла на всех полицейских автомобилях разбиты.

КАК АУКНЕТСЯ...

Взрыв гранаты у стен Верховной Рады – следствие войны, которая идет в Украине. Об этом заявил Управляющий делами УПЦ митрополит Бориспольский и Броварской Антоний. Митрополит отметил, что война многолика, люди умирают не только на поле сражения и часто – совершенно невинные.

«Мы помним смерть детей, которые погибли от боеприпаса в песочнице в Мариуполе. Мы помним, как в Константиновке девочка погибла под колесами боевой машины. Появилась информация, что в Хмельницкой области застрелился 50-летний доброволец, который вернулся из АТО. К сожалению, каждый день есть информация о таких событиях. Главное, что мы можем сейчас сделать – это прекратить войну, чтобы не было причин таким трагедиям», – подчеркнул владыка Антоний.

СЕКТА НЕ ПРОЙДЕТ

Прокуратура Кургана добилась признания книг «Свидетелей Иеговы» экстремистскими материалами. Суд удовлетворил требования прокурора признать экстремистскими изданные в Германии книги «Сохраняйте себя в Божьей любви», «Пусть на вас влияет дух Бога, а не дух мира». В ходе судебного разбирательства, которое длилось более года, были проведены лингвистические и религиозно-экспертные экспертизы, согласно выводам которых идеи, пропагандируемые авторами книг, направлены на возбуждение религиозной ненависти по отношению к людям, не входящим в организацию «Свидетели Иеговы».

ПЯТЬ ЛЕТ
В ЧЕЧЕНСКОМ ПЛЕНУ

Русский солдат Александр Воронцов просидел в яме в Чечне 5 лет.

Саша был в чеченском плену; два года его не кормили; испытывали на нем приемы рукопашного боя; его несколько раз расстреливали, стреляли почти в упор, но так и не расстреляли!!!

В 1995 году – первая чеченская война. Я подполковник Антоний Маньшин, был командиром штурмовой группы, а соседняя, вторая штурмовая группа была названа именем героя России Артура, моего друга, который погиб в Грозненских боях, накрыв собой раненого солдата: солдат выжил, а он погиб от 25 пулевых ранений. В марте 1995 года штурмовая группа Артура из 30 бойцов на трех БРДМ-ах выполняла штабной рейд по блокированию групп боевиков во Введенском ущелье. Есть там такое место Ханчелак, что переводится с чеченского – как мертвое ущелье, там нашу группу поджидала засада.

Засада – это верная смерть: головная и замыкающая машины подбиваются, и тебя методически расстреливают с высоты. Группа, попавшая в засаду, живет максимум 20-25 минут – потом остаётся братская могила. По радиостанции запросили помощь с воздуха вертолетов огненной поддержки, подняли мою штурмовую группу, мы прибыли на место через 15 минут. Управляемыми ракетами воздух-земля уничтожили огневые позиции на высотах, к нашему удивлению группа уцелела, только недосчитались Саши Воронцова. Он был снайпером и сидел на головной машине, на БРДМ-е и взрывной волной его сбросило в ущелье метров 40-50 глубиной. Стали его искать, не нашли. Уже стемнело. Нашли кровь на камнях, а его не было. Случилось худшее, он контуженный попал в плен к чеченцам. Мы по горячим следам создали поисково-спасательную группу, трое суток лазили по горам, даже в контролируемые населенные пункты боевиков ночью входили, но так Сашу и не нашли. Списали, как без вести пропавшего, потом представили к ордену Мужества. И вы, представляете, проходит 5 лет. Начало 2000 года, штурм Шатоя, в Артурском ущелье в Шатойском районе есть населенный пункт Итум-Кале, при блокировке его нам мирные жители сообщили, что у них в зиндане (в яме) сидит наш спецназонец уже 5 лет.

Надо сказать, что 1 день в плену у чеченских бандитов – это ад. А тут – 5 лет. Мы бегом туда, уже смеркалось. Фарами от БМП освятили местность. Видим яму 3 на 3 и 7 метров глубиной. Лесенку спустили, поднимаем, а там живые мощи. Человек шатается, падает на колени и я по глазам узнал Сашу Воронцова, 5 лет его

не видел и узнал. Он весь в бороду, камуфляж на нем разложился, он в мешковине был, прогрыз дырку для рук, и так в ней грелся. В этой яме он испражнялся и там жил, спал, его вытаскивали раз в два-три дня на работу, он огневые позиции чеченцам оборудовал. На нем живую чеченцы тренировались, испытывали – приемы рукопашного боя, то есть ножом тебя – в сердце бьют, а ты должен удар отбить. У нас в спецназе подготовка у ребят хорошая, но он изможденный, никаких сил у него не было, он, конечно, промахивался – все руки у него были изрезаны. Он перед нами на колени падает, и говорить не может, плачет и смеется. Потом говорит: «Ребята, я вас 5 лет ждал, родные мои». Мы его в охапку, баньку ему истопили, одели его. И вот он нам рассказал, что с ним было за эти 5 лет.

Вот мы сидели неделю с ним, соберемся за трапезой, обеспечение хорошее было, а он кусочки хлеба мусолит часами и ест тихонечко. У него все вкусовые качества за 5 лет атрофировались. Рассказал, что его 2 года вообще – не кормили.

Спрашиваю: «Как ты жил-то?» А он: «Представляешь, командир, Крестик целовал, крестился, молился, – брал глину, скапывал в катышки, крестил её, – и ел. Зимой снег – ел». «Ну и как?», – спрашиваю. А он говорит: «Ты знаешь, эти катышки глиняные были для меня вкуснее, чем домашний пирог. Благословенные катышки снега были – слаще меда».

Его 5 раз – расстреливали на Пасху. Чтобы он не убежал, ему – перерезали сухожилия на ногах, он стоять – не мог. Вот ставят его к скалам, он на коленях стоит, а в 15-20 метров от него, несколько человек с автоматами, которые должны его расстрелять.

Говорят: «Молись своему Богу, если Бог есть, то пусть Он тебя спасет». А он так молился, у меня всегда в ушах его молитва, как простая русская душа: «Господи Иисусе, мой Сладчайший, Христе мой Предивный, если Тебе сегодня будет угодно, я ещё поживу немножко». Глаза закрывает и крестится. Они спусковой крючок снимают – осечка. И так дважды – выстрела не происходит. Передвигают затворную раму – нет выстрела. Меняют спарки магазинов, выстрела опять не происходит.

Подходят и говорят: «Крест сними». Расстрелять его – НЕ МОГУТ, потому что Крест висит на нем. А он говорит: «Не я этот

Крест надел, а священник в таинстве Крещения. Я снимать не буду». У них руки тянутся крест сорвать, а в полуметре от его – тела их скрючивает Благодать Святого Духа и они скорченные – падают на землю. Избивают его прикладами автоматов и бросают его в яму. Вот так два раза пули – не вылетали из канала ствола, а остальные вылетали и всё – мимо него летели. Почти в упор – не могли расстрелять, его только камешками посекает от рикошета и всё.

И так оно бывает в жизни. Последний мой командир, герой России Шадрин говорил: «Жизнь странная, прекрасная и удивительная штука».

В Сашу влюбилась девушка чеченка, она его намного моложе, ей было 16 лет, то тайна души. Она на третий год в яму по ночам носила ему козье молоко, на веревочке ему спускала, и так она его выходила. Её ночью родители ловили на месте происшествия, пороли до смерти, запирали в чулан. Звали её Ассель. Я был в том чулане, там жутко холодно, даже летом, там крошечное окошко и дверь с амбарным замком. Связывали её. Она умудрялась за ночь разгрызть веревки, разбирала окошко, вылезала, доила козочку и носила ему молоко.

Он Ассель забрал с собой. Она повенчалась с именем Анна, они γενчались, у них родилось двое деточек, Кирилл и Машенька. Семья прекрасная. Вот встретились мы с ним в Псково-Печерском монастыре. Обнялись, оба плачем. Он мне всё рассказывает. Я его к старцу Адриану повел, а там народ не пускает. Говорю им: «Братья и сестры, мой солдат, он в Чечне в яме 5 лет просидел. Пустите Христа ради». Они все на колени встали, говорят: «Иди, сынок!». Прошло минут 40. Выходит с улыбой Саша от старца Адриана и говорит: «Ничего не помню, как будто – с Солнышком беседовал!». А в ладони у него ключи от дома. Батюшка им дом подарил, который от одной старой монахини монастырю отошел.

А самое главное, мне Саша при расставании сказал, когда я его спросил, как же он всё это пережил: «Я два года пока сидел в яме плакал так, что вся глина подо мной мокрая от слез была. Я смотрел на звездное чеченское небо в воронку зиндана и искал – моего Спасителя. Я рыдал как младенец, искал – моего Бога». «А дальше?», – спросил я. – «А дальше – я купаюсь в Его объятиях», – ответил Саша.

С сайта diveevo.ru

НАШЕ
ПРАВОСЛАВИЕ

Регистрационный номер 1622 от 19.04. 2013 г.
Учредитель: Витебская епархия Белорусской
Православной Церкви. Индекс 63129

Адрес редакции:
210026,
г. Витебск, ул. Чехова, 19.
Тел.: 8(0212) 48-60-34.
E-mail: vitprav@mail.ru.
Газета выходит ежемесячно.

При перепечатке и использовании
материалов ссылка на газету
обязательна.

Рукописи не рецензируются
и не возвращаются.

Мнение авторов публикуемых материалов
не всегда совпадает с мнением редакции.

Газета отпечатана офсетным способом
в УПП "Витебская областная типография".
210015, г. Витебск, ул. Щербакова-Набережная, 4.
Объем 2 печатных листа. Формат А3.
Подписана к печати 06.10.15 в 16.00. Тираж 1000. Заказ 6351.

Просим не использовать газету
в хозяйственных целях.

Главный редактор
Андрей
ГЕРАЩЕНКО